

RU

«Я, как мог, служил родному слову...»: Родина и чужбина
в сонетном творчестве поэтов русского дальневосточного зарубежья

Ковальчук И. Ю.

Аннотация. Цель исследования – выявление художественной специфики жанра сонета в поэзии русского дальневосточного зарубежья, обусловленной влиянием исторического, социокультурного контекста эпохи. Научная новизна заключается в привлечении малоизвестного материала – сонетного творчества поэтов русского зарубежья Дальнего Востока. Изучаются особенности поэтического воплощения оппозиции «Родина – чужбина»: эсхатологические настроения, ностальгические мотивы. Прослеживаются отношение к революции, Родине, размышления о судьбе поэта-эмигранта, что расширяет содержательную сферу сонета и обуславливает его поэтологическую неоднородность, эклектичность. В результате выявлено, что образ России воссоздается посредством пейзажных зарисовок, поэтических мифологем, литературных реминисценций. Отсылки к различным литературным традициям призваны увековечить поэтическую память о Родине. Драматическая напряженность на архитектурном уровне выражается в демонстративном отступлении от сонетного канона, появлении жанровых модификаций. Жанр сонета позволяет преодолеть субъективность, индивидуальность в оценке эмигрантской действительности, способствует наряду с эмоциональной насыщенностью эпическому постижению событий.

EN

“I served my native word as best I could...”: Motherland and foreign land
in the sonnets by poets of the Russian Far Eastern émigré community

Koval'chuk I. U.

Abstract. The study aims to identify the artistic specifics of the sonnet genre in the poetry of the Russian Far Eastern émigré community, which is conditioned by the influence of the historical, socio-cultural context of the epoch. The scientific novelty lies in involving little-known material, i.e. the sonnets by poets of the Russian émigré community in the Far East. The paper examines the features of the poetic embodiment of the “Motherland – foreign land” opposition: eschatological moods, nostalgic motifs. The researcher traces the attitude to the Revolution, the Motherland, reflections on the fate of an émigré poet, which expands the content sphere of the sonnet and determines its poetical heterogeneity, eclecticism. As a result, it has been revealed that the image of Russia is recreated through landscape sketches, poetic mythologemes, literary reminiscences. References to various literary traditions are intended to immortalise the poetic memory of the Motherland. Dramatic tension at the architectonic level is expressed in a demonstrative departure from the sonnet canon, the appearance of genre modifications. The genre of the sonnet allows overcoming subjectivity, individuality in the assessment of émigré reality, along with emotional intensity, contributes to the epic comprehension of events.

Введение

Историко-культурный и социальный контекст, в котором развивалась эмигрантская литература, во многом predetermined магистральные направления духовно-нравственных, художественных поисков писателей-эмигрантов. Жанр сонета не остался безучастным к трагическим проявлениям современной действительности, воплощая в себе чувства россиян, после Революции 1917 года оказавшихся вдали от родины, отражая реалии эмигрантской жизни. По замечанию С. И. Якимовой, «для поэтического исследования поворотных и узловых моментов истории России, повлиявших на ее судьбу и определивших особый путь страны, актуализируется жанр сонета с его масштабностью проблематики и глубокой философичностью» (2022, с. 49).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью восстановления во всей полноте и целостности картины истории русской литературы XX века, неотъемлемой частью которой является поэзия русского

зарубежья Дальнего Востока, в частности сонет как одно из ее ярких поэтических проявлений. Лучшие традиции русского сонета, которые в течение долгих лет не были востребованы советской поэзией, плодотворно развиваются поэтами-эмигрантами. Атмосфера духовной и творческой свободы способствовала сохранению богатых идейно-эстетических традиций отечественного сонета, философской масштабности, высокой поэтической культуры.

Исследование поэтического наследия восточной ветви эмиграции в избранном аспекте предполагает постановку и решение следующих частных задач:

1. Выявить содержательный потенциал жанра сонета, способного наряду с эмоциональной насыщенностью к эпическому постижению описываемых событий.
2. Изучить диалогические связи, интертекстуальные отсылки к произведениям русской классики (А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. А. Блок), направленные на воссоздание образа литературной России.
3. Рассмотреть особенности поэтики сонета, обусловленные обращением к теме Родины и эмиграции и определяющие его жанровую специфику (отступление от сонетного канона, взаимодействие с сопредельными жанрами).

В основе методологии настоящей работы – принципы академического литературоведческого анализа: историко-культурного, сравнительно-типологического, интертекстуального. Для выявления семантических и версификационных особенностей поэтического текста используются приемы стиховедческого анализа.

Материалами исследования послужили малоизвестные и малодоступные для широкого читателя произведения поэтов русского зарубежья Дальнего Востока в жанре сонета, опубликованные в харбинских периодических изданиях: Казанский А. Тропики // Рубеж. 1929. № 38; Упшинский А. Закат // Рубеж. 1931. № 25; Померанцев В. Тайга // Чураевка. 1933. № 4; Ачаир А. Моя страна // Луч Азии. 1939. № 64; Сатовский-младший Г. Г. Сонеты о России // Луч Азии. 1944. № 6; поэтические сборники, выходявшие в эмиграции в 1940-е годы: Сатовский-младший Г. Г. Золотые кораблики. Харбин, 1942; Щербаков М. Отгул. Шанхай, 1944.

К анализу привлекаются также литературно-критические статьи: Перелешин В. Сонет на Дальнем Востоке // *Russian Language Journal*. 1978. No. 111; Перелешин В. Два полустанка: фрагменты // *Литературная учеба*. 1989. Кн. 6.

Учтены материалы отечественных и зарубежных антологий, поэтических сборников: Ковчег: поэзия первой эмиграции / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Политиздат, 1991; Русская поэзия Китая / сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М.: Время, 2001; Литература русских эмигрантов в Китае: в 10-ти т. / собиратель ориг., гл. сост., ред. Ли Янлен. Пекин: Китайская молодежь, 2005. Т. 1. Харбин – мой оазис. А также сборники сочинений литераторов русского зарубежья Дальнего Востока: Несмелов А. Без Москвы, без России: стихотворения, поэмы, рассказы / сост. и коммент. Е. В. Витковского, А. В. Ревоненко. М.: Московский рабочий, 1990; Щербаков М. Одиссеи без Итаки / сост., комм. и вступ. ст. А. Колесова. Владивосток: Рубеж, 2011; Перелешин В. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Престиж Бук, 2018. Т. 1. Три родины: стихотворения и поэмы / председ. редкол. Е. Витковский.

Теоретической базой настоящей работы послужили труды по истории и теории русского сонета (Останкович, 2009; Титаренко, 1998; Федотов, 2011). В контексте настоящего исследования особого внимания заслуживает работа А. В. Останковича, А. Д. Алексенко, обращенная к поэзии «русского американца» Г. В. Голохвастова. Авторы подчеркивают универсальные содержательные возможности сонета, позволяющие воссоздать образ Родины в ее уникальной цивилизационной самобытности, реализовать «ключевую установку на диалог времен и цивилизаций» (2018, с. 49).

К теме Родины в эмигрантской литературе обращаются многие исследователи, поскольку это один из лейтмотивов, который в творчестве каждого отдельного автора «обретает различные обертоны и вариации» (Хадынская, 2016, с. 157). Важными представляются наблюдения А. А. Хадынской (2017, с. 184) о сопряженности образа «утраченной былой России» с литературной темой в творчестве русских эмигрантов первой волны. На этом аспекте акцентируют внимание и китайские русисты. Так, в своей работе Цзан Юньмэй отмечает: «Образ родины-литературы доминировал в патриотическом сознании эмигрантов Востока» (2021, с. 8).

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности интеграции его результатов в практику вузовского обучения в рамках дисциплин «История отечественной литературы», «Основы теории литературы», а также спецкурса «Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока». Кроме того, представленные новые, преимущественно архивные материалы, дополняющие научно-образовательное пространство, могут послужить основой для создания поэтических сборников, антологий.

Обсуждение и результаты

Художественный конфликт «поэт – эмигрантская действительность» в сонетах Н. Щеголева, А. Несмелова

Литераторы дальневосточной эмиграции драматически переживали свою изолированность, оторванность от западных центров русского рассеяния, где «полное билось русское сердце в изгнании» (Перелешин, 1989, с. 115). Несмотря на робкие попытки привлечь внимание литературных мэтров на Западе (В. Перелешин отмечал, что Несмелов, Ачаир и Щеголев изредка печатались в парижских и пражских журналах), постоянных двусторонних творческих связей наладить так и не удалось. За исключением нескольких имен, эта ветвь русской литературы долгое время рассматривалась как провинциальная и второстепенная.

Художественный конфликт «поэт – эмигрантская действительность», который включает в себя значительный комплекс мотивов (одиночество, непонимание, ностальгия и, наконец, невозможность быть услышанным

своими соотечественниками в России), в полную силу зазвучал в сонетном творчестве. Осознавая ценность и силу поэтического творчества, поэты-эмигранты сомневаются в том, может ли их слово быть услышанным. М. Волин приходит к неутешительному выводу: в условиях эмиграции поэзия не может быть востребована в той же степени, что на родине. «Вот стихи. Кому они нужны?» – вслед за М. Волиным этот вопрос могли бы повторить многие представители эмиграции как восточной, так и западной ветви. Так, в стихотворении «Волны» А. С. Присмановой выражается сомнение в востребованности творческих усилий: «Строчку, сложенную нами, / Хоть бы кто-нибудь искал...» (Ковчег: поэзия..., 1991, с. 295).

Трагическое осмысление современной эпохи свойственно стихотворению Н. Щеголева «От замыслов моих...». В нем тема творчества неразрывно связана с ощущением жизненного тупика, безысходности. Рефлексия, самоанализ, характерные для самоощущения лирического героя Н. Щеголева, сближают его с поэтическими исканиями «парижской ноты». Роль поэзии на земле, «скользящей по кривой», – ничтожна. «Полувлюбленные», «полупрохладные» слова лирического героя не способны преобразить гибнущий мир. Лирический герой видит один выход: «Бежать, бежать, бежать!» (Русская поэзия..., 2001, с. 576). Однако преодолеть эсхатологические настроения ему не удастся. Тема «беспольного бунтарства» выражена в форме безголового сонета, т. е. состоящего из одного катрена и двух терцетов.

Размышления о судьбе поэта-эмигранта отразились в стихотворении А. Несмелова «Тень», в котором также представлена достаточно свободная трактовка сонетного канона. Оно напоминает французский сонет, но с добавочными рифмами в катренах, использованием различных типов рифмовки в катренной части: *Аб-ба вГвГ ДДе ГГе*. А. Несмелов допускает и другие смелые отклонения от требований сонетного жанра. Трижды употреблен прием *contre-rejet*'а (перенос, при котором начало фразы соответствует окончанию одного стиха, а оставшаяся часть фразы образует следующий стих): «В этот / Весенний день на призрака похож»; «тело / Он просквозил в кипящую толпу»; «Исключенья / Из правил позабытого значенья» (Несмелов, 1990, с. 240). Обилие стиховых переносов, как отмечает А. В. Останкович, создает условие для формирования «драматически напряженного, монологического по форме, но диалогизированного по сути» высказывания (2009, с. 389).

Драматизм усиливается благодаря системе оппозиций. Так, в стихотворении «Тень» переосмысливается традиционный для русской поэзии конфликт «поэт – толпа». Поэт, чье предназначение заключается в стремлении к обновлению мира, духовному преображению человека, пробуждению в нем созидательных возможностей, внушает окружающим тревогу и страх: «...толпа от этой тени потускнела» (Несмелов, 1990, с. 240). Мотив отверженности лирического героя гиперболизирован в образе «тени» (в сонете повторяется дважды) и его инварианте «призраке» (повторяется в сонете трижды).

Идея обреченности поэта, лишённого Родины, на одиночество, непонимание соотечественниками выражена на фонетическом уровне. Система звуковых повторов свистящих («с», «з») и шипящих («ж», «ш») согласных обретает семантическую наполненность только во втором терцете – сонетном ключе, выражая позорительное, настроенное, «пугливое» отношение толпы к человеку-тени:

И над толпой *затихшей шелестело*

Пугливое: российский эмигрант (Несмелов, 1990, с. 240).

Синтаксически сонет также устремлен ко второму терцету. Система безличных односоставных предложений и сложных синтаксических конструкций, где функцию подлежащего выполняют местоимения третьего лица, исключает индивидуальное, частное в описании лирического героя. Напряженное ожидание разрешается только в заключительном стихе. Человек-тень, человек-призрак, внушающий ужас, оказывается «российским эмигрантом». В данном контексте понятие «эмигрант» утрачивает сугубо социальное значение. Потеря Родины для лирического героя означает не только потерю социального статуса, материальной благоустроенности, но и чувства слияния с миром, духовной цельности. Таким образом, социальный, психологический конфликт приобретает онтологическое звучание.

Понимание алогичности, непредсказуемости современной эпохи заставляет поэтов-эмигрантов искать устойчивые ориентиры в природной гармонии. В лирической концепции сонетов А. Казанского «Тропики», В. Померанцева «Тайга» ощущаются отголоски адамистской эстетики. Герой стихотворения «Тропики» заново открывает для себя мир, воссоздавая картины первозданной жизни:

Мы якорь бросили у диких островов

В спокойную волну пустынного залива...

<...> Лесной покров

Полуденной земли был пышен и суров,

На лоно диких вод сбегая прихотливо (Казанский, 1929, с. 5).

В сонете В. Померанцева «Тайга» дикая неукротимость природы соединяется с красотой, гармонией первозданного, нетронутого цивилизацией мира: «...нежатся на теплых скалах тигры», «...девичьими глазами смотрят козы» (1939, с. 5).

Появление экзотического пейзажа в сонетах В. Померанцева, А. Казанского обусловлено стремлением обрести духовную свободу, расширить горизонты действительности, вырваться из оков скудной повседневности. Вместе с тем в художественном сознании поэтов дальневосточной эмиграции апелляция к экзотике не заслоняют принадлежности к национальной культуре. Экзотический пейзаж сменяется картинами привычной, но внутренне близкой русским поэтам природы. Появление национального пейзажа в сонетах неотделимо от образа России, в воспоминаниях о которой поэты черпали духовные силы. Напоминанием о России являются «чуть слышный колокольный звон» в сонете А. Упшинского (1931, с. 5) «Закат», изображение православной часовни в сонете М. Щербакова «Соответствие» (Русская поэзия..., 2001, с. 584).

Образ литературной России в сонетах Г. Г. Сатовского-младшего, Н. Алла, Н. Петереца

Проникновенные ностальгические ноты звучат в сонетах Г. Г. Сатовского-младшего, который в служении Родине, родному слову видел свое предназначение и утешение:

Я, как мог, служил родному слову,

Тебе, суровая и горестная Русь (Литература русских эмигрантов..., 2005, с. 343)!

В сонете «Мимо» представлено традиционное элегическое время с его направленностью в прошлое. Настоящее не имеет самодовлеющего значения и выполняет функцию рубежа, времени подводить жизненные итоги. Идеализация прошлого связана не только с темой молодости. Это прежде всего время единства с утраченной Родиной. Использование элементов элегического стиля заставляет автора снять подзаголовок «сонет». В остальном же (характер рифмовки, использование канонического для сонета стихотворного размера, ритмико-синтаксическая завершенность периодов) автор следует классическому сонетному образцу.

Вместе с тем Г. Г. Сатовский-младший отказывается от создания исключительно положительного образа России. В его стихотворениях нет того, что М. Н. Эпштейн (1990, с. 162) условно называет «патриотическим» пейзажем. Русская деревня, к изображению которой автор обращается в сонете «Родине», предстает утомленной, обессиленной, изнеможенной. Тревога, боль за покинутую Россию чувствуются в таких эпитетах, как «огни скупые», «объятья скорбные», «редкие скирды хлеба», «тоска немая» (Литература русских эмигрантов..., 2005, с. 343). Такой скорбной, крестьянской видится поэту Россия. В своем внимании к этим сторонам русской жизни стихотворение Г. Г. Сатовского-младшего заставляет вспомнить многих русских художников: тютчевские «эти бедные селенья, эта скудная природа», и блоковская «нищая Россия... Избы серые твои». Подобно им, Г. Г. Сатовский-младший принимает и благословляет Россию во всех ее проявлениях.

В сонете Н. Алла «Петербург» Родина ассоциируется с градом Петровым. Пейзаж здесь лишен естественных природных ориентиров. В литературном сознании «пучки туманов», «Нева» становятся элементами пейзажа урбанистического. Это не противоречит традиции, согласно которой пространство Петербурга – искусственное, сугубо культурное.

Лирический герой сонета Н. Алла «Петербург» взирает на руины былого величия, которые описываются с помощью контекстуальных антитез: «...покрылись плесенью старинных сводов храмы», «...улицы широкие и темны, и пусты» (Русская поэзия..., 2001, с. 44). Образы «гранит», «Нева», «ажурные мосты» актуализируют ассоциативные связи со строками поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». Но они лишь усиливают состояние всеобщего опустошения, гибели. Настроение тревоги, мрачного ожидания подчеркивается соответствующей цветовой гаммой: «Нева катит чернеющие воды» (Русская поэзия..., 2001, с. 44).

Городские реалии сложно переплетаются с образами условными, метафорическими, что рождает ощущение фантастичности, призрачности города. Сонет Н. Алла «Петербург», написанный в начале 1920-х гг., когда пришло осознание невозможности возвращения к прошлой России, отражает апокалипсическое состояние мира: «Кругом мертво». Реальный пласт в сонете Н. Алла совмещается с мифологическим. Отзвуки кровавых революционных событий («гранит, омытый кровью», «щелкают курки заржавленных наганов») в контексте всего сонета воспринимаются как фрагмент петербургского эсхатологического мифа. В сонете Н. Алла торжество «насильственной воли» (Топоров, 1995), ввергнувшей Россию в состояние хаоса, уподобляется стихийному взрыву: «хохот ураганов». Масштабы трагедии автор выражает с помощью гиперболизированного описания:

И даже кладбищ нет, везде растут кресты –

Живые памятники умершей свободы (Русская поэзия..., 2001, с. 44).

«Умершей свободе» противопоставляется «унылый страх». Категория страха в сонете Н. Алла является не только одним из важнейших маркеров «петербургского текста», но и выражает идею гибели культурного самознания, национального достоинства. В сонете Н. Алла «Петербург» отголоски революционных событий закладываются глобальными обобщениями о судьбе русской культуры, чему во многом способствует жанр сонета.

Значение литературных реминисценций велико в сонете Н. Петереца «Россия», который причисляется критиками к числу «лучших образцов русской сонетной техники» (Перелешин, 1978, с. 108).

Россия Белого – пылающее море,

Россия Тютчева – смирение и горе,

Россия Гоголя – смятение и ад (Русская поэзия..., 2001, с. 425).

Апелляции к творчеству Н. Гоголя, Ф. Тютчева, А. Белого в этом сонете призваны создать емкий и многогранный образ России, позволяя автору постичь «лик родины через ее искусство».

Заключение

Исследование сонетного творчества поэтов русского восточного зарубежья в избранном аспекте позволяет сделать следующие выводы:

1. Художественный конфликт «Родина – эмиграция», проникая в сонетное творчество поэтов русского зарубежья, существенно расширяет содержательную сферу сонета. Эмиграция воспринимается как чужеродное пространство, убивающее поэтический дар (А. Несмелов), рождающее ощущение безысходности (Н. Щеголев). Драматическая напряженность выражается в демонстративном отступлении от сонетного канона, обращении к «аномальным» формам сонета. При этом сонетный жанр позволяет преодолеть индивидуальное, субъективное в оценке эмигрантской действительности.

2. В поисках мировоззренческих, духовно-нравственных опор поэты-эмигранты обращаются к образу Родины, которая проникает в сонет через пейзажные зарисовки, поэтические мифологемы, литературные реминисценции. Образ Родины, созданный в сонетах поэтов дальневосточной эмиграции, многогранный и емкий. Проникнутые просветленными воспоминаниями (сонеты Г. Г. Сатовского-младшего) или мрачными предчувствиями (сонет Н. Алла «Петербург»), стихотворения неизменно воплощают приобщенность к духовной жизни России.

3. Интертекстуальные отсылки к произведениям выдающихся деятелей русской литературы (А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. А. Блока и др.) подчеркивают особую роль литературной классики в художественном сознании поэтов-эмигрантов.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с возможностью системного изучения сонета в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока во взаимодействии историко-культурных, философско-эстетических, проблемно-тематических, собственно стиховедческих характеристик, обогативших историю русского сонета.

Источники | References

1. Останкович А. В. Гармоническая структура русского классического сонета XVIII – начала XX в.: дисс. ... д. филол. н. М., 2009.
2. Останкович А. В., Алексенко А. Д. Сюжетно-образная конкретизация концепта «Русь» в сонетах Г. В. Голохвастова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436.
3. Титаренко С. Д. Сонет в поэзии Серебряного века. Художественный канон и проблема стилевого развития. Кемерово, 1998.
4. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». 1995. URL: http://www.philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm#tp1
5. Федотов О. И. Сонет. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2011.
6. Хадынская А. А. «И Россия, как белая лира»: образ оставленной Родины в поэзии эмиграции первой волны // Вестник Самарского университета. 2016. № 1.
7. Хадынская А. А. Утраченная Россия Арсения Несмелова // Север России: стратегии и перспективы развития: мат. III всерос. науч.-практ. конф.: в 3-х т. Сургут: Изд-во Сургутского государственного университета, 2017. Т. 1.
8. Цзан Юньмэй. Образ Родины в поэзии русской эмиграции в Китае 1920-1940-х годов (интертекстуальный пласт): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2021.
9. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.
10. Якимова С. И. Поэтический дискурс Всеволода Никаноровича Иванова в контексте историософских воззрений писателя-евразийца // Культура и текст. 2022. № 3 (50).

Информация об авторах | Author information

Ковальчук Ирина Юрьевна¹, к. филол. н.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Koval'chuk Irina Ur'evna¹, PhD

¹ Pacific State University, Khabarovsk

¹ 006383@pnu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): русское дальневосточное зарубежье; поэзия; сонет; образ Родины; тема эмиграции; Russian Far Eastern émigré community; poetry; sonnet; image of the Motherland; theme of emigration.